

УДК:821. 161. 01:808. 1

Абдрахманова А., Апышева С. Ш.

ТЕМА СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Абдрахманова А., Апышева С. Ш.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВДУН ТАГДЫР ЧЫГАРМАЧЫЛЫ

A. Abdrachmanova, S. Sh. Apysheva

THE THEME OF DESTINY IN THE CREATIVITY OF M. YU. LERMONTOV

Аннотация: Бул макалада М. Р. Лермонтовдун «Герой нашего времени», «Песня про купца Калашникова» поэмасындагы инсандын катаал тагдыры алдын- ала белгилүү болгондугу анализденет.

Ошону менен бирге М. Р. Лермонтов адам менен тагдыр темасын карама- каршылык катары көтөрөт.

Негизги сөздөр: тагдыр, катаал тагдыр, карама- каршылык, фаталист, чыгармачылык, кишинин ички дүйнөсү.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению темы судьбы в творчестве М. Ю. Лермонтова на материале его поэм и романа. Тема судьбы, отличающаяся своей сложностью и глубиной, является одной из важнейших как в творчестве Лермонтова, так и во всей мировой литературе. Концепт «судьбы» остается у Лермонтова неизменным на протяжении всего творчества, а вот восприятие «судьбы» претерпевает качественные изменения в соответствии с эволюцией главного героя – того самого лермонтовского героя, прошедший путь от юношеской лирики до зрелого романа «Герой нашего времени».

Ключевые слова: судьба, рок, предопределение, лермонтовский герой, творчество, фаталист, душа.

Annotation: In the following article we analyse that the fiction «Герой нашего времени», poem «ПесняпрокупцаКалашникова» and poem«Мцыри» by М. Ю. Лермонтова. In thearticle we refer to our destiny, fate, fatalist – the man who know his life prescription beforehand. Bat, besides the, fate of nowadays Лермонтов affect theme that opposition and destiny.

Key words: destiny, fate, fatalist, destination, forecast, doubt, dramatic, predestination, god patron, soul.

Марина Цветаева однажды написала: «Как волка ни корми – все в лес глядит. Все мы волки дремучего леса Вечности». Жизнь – это мощный поток света, а составляющие его лучи – люди с их мыслями, делами, судьбами.

Лермонтов – искрящийся, солнцеподобный луч, затмевающий все остальные – мутноватые, тусклые, блеклые лучи – человеческие жизни. Вспоминается изречение пророка Заратустры: «Человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым». Короткая жизнь Лермонтова – мятущийся, непредсказуемый Ниагарский водопад, душа – вечно бушующий океан, мысли подобны небесной чистоте и хрустальной прозрачности Байкальского озера. Этот удивительно талантливый человек с живою, сложною душою был наделен тонким восприятием мира, умением видеть незаметное. За свою короткую жизнь он сделал столько, сколько делает обыкновенный человек за 70 лет своего существования.

Яблоня не родит вишню. Творения гения носят отпечаток его мыслей, его мировосприятия. Недаром В. Г. Белинский после прочтения романа «Герой нашего времени» произнес: «Печорин – это он сам». Конечно, Лермонтов, создавая свое

величайшее детище, навряд ли писал копию себя самого, но окружающие воспринимали поэта так же, как он воспринимал Печорина, хотя Лермонтов не Печорин, а его «отец». Валерий Брюсов писал: «Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Создание искусства – это приотворенные двери в Вечность». Жить так, как жил Лермонтов с его искусством любить и мыслить – непостижимая тайна. Его душа была в союзе с провидением, была ведомасудьбой, имела прямую связь с таинственным и загадочным, отчего само существование поэта приобрело налет фатальности и рока[1].

В романе «Герой нашего времени», на мой взгляд, тема судьбы занимает главенствующее положение, ибо жизнь, судьба, смерть – составные части одного целого – Вечности. Жизнь человека полна счастливыми совпадениями, неудачами. Для одних людей – это милость Бога, для других, как они считают, их личное достижение. Но ни те, ни другие не задумываются над тем, что все эти случайности имеют упорядоченный характер, выстраиваясь в стройную систему. В романе Лермонтова все непостижимые тайны и загадки бытия ниспадают под взмахом топора. Не случайно Печорин сравнивает себя с «топором в руках судьбы» и признается на страницах дневника (журнала), что ему доводилось играть эту роль неоднократно. Причем, делал он это и без злобы, и без сожаленья – многие лучшие черты в нем уже умерли к тому времени.

Человек, замечая в своем друге какое-либо качество, обязательно сам обладает им, иначе он не был бы так чувствителен к наличию этого качества в натуре своего друга. Если Печорин так смело заявляет о своей роли в спектакле под названием Жизнь, Значит, он в полной мере познал то, что называется жизнью, раскусил ее хитрости и теперь знает, что значит в ней человек. Его пронизательному взгляду открыта вся пропасть, вся бездна души человека. За легким движением головы, чуть заметным смущением ему открывается целая книга любовного переживания, безвыходного томления. Он чувствует трепет каждой ниточки, каждого переплетения тканей души. По-моему, Печорин – олицетворение провидения, черного рока, ибо для него нет тайн в человеческом уме, ибо он постиг все глубины бездонного моря человеческих чувств и, кроме того, он «как орудие казни, упадает на голову обреченных жертв»...[2]

Политическая система дореволюционной России нам хорошо известна с уроков истории: царь – дворяне – армия. Царь обладает неограниченной властью. Дворяне – сила для армии, ничто – для царя. Печорин – сверхчеловек, провидец для «водяного общества», а для Высшего судьи, заправляющего нашим миром – дирижерская палочка, посредством которой рождает музыку жизни вселенский оркестр. Этот роман позволяет увидеть, как наполнено человеческое бытие близкими «родственниками» судьбы, «свитой» Рока. Даже человек не от мира сего – Печорин – и тот затрудняется в расшифровке посланных ему сигналов. Ирония судьбы! Значит, надо быть тем, кем создала нас природа – человеком. В этом наше счастье и духовное богатство. Прав был Цицерон, говоря: «Природа не дала нам познания предела вещей».

Тема судьбы как жизненного пути личности так или иначе звучит в произведениях подавляющего большинства писателей. Однако нередко в литературе встречается и несколько иное понимание судьбы, рока, предначертания, за пределы которого человек едва ли способен вырваться. Именно так понимали судьбу древние. Несмотря на это, их верования и представления занимали и занимают умы мастеров и мыслителей позднейших эпох. Мотив судьбы, предстающей в различных ипостасях – испытания, рока, жизненного пути – является одной из значимых тем в творчестве М. Ю. Лермонтова[3].

В главе «Фаталист» знаменитого романа «Герой нашего времени» с темой судьбы сплетается характерный для творчества писателя мотив сомнения. Это сомнение становится завязкой, отправной точкой сюжета, драматизм которого постепенно нарастает. Размышляя

о предопределении, герой Лермонтова сопоставляет отношение к нему людей прежних эпох и своих современников, ни во что не верящих твердо: «Какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо со своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!» Вспомним: в древнегреческих мифах, например, у каждого героя были боги-покровители, которые принимали участие в судьбе своих подопечных. Однако даже боги не в силах были отменить то, что назначено судьбой[4].

Впрочем, герои Лермонтова спорят лишь о том, предопределено ли время смерти человека. Уже древние допускали возможность того, что человек способен сам распорядиться своей жизнью: в «Энеиде» Вергилия Дидона, покинутая Энеем, кончает жизнь самоубийством, однако согласно предначертанию судьбы, царице Карфагена полагалось прожить дольше.

В «Фаталисте» герои Лермонтова приходят к выводу, что предопределение существует – пистолет был заряжен, и все же поручик Вулич остался жив. В то же время «странный отпечаток неизбежной судьбы», который почудился Печорину в выражении лица Вулича, и в самом деле оказывается предвестником трагического и нелепого конца офицера от руки пьяного казака[5].

Само название этой главы романа связано с идеей судьбы, рока: фаталист – это человек, верящий, что события жизни предначертаны заранее. Но, помимо проблемы существования рока, Лермонтов затрагивает тему противостояния человека и судьбы. Размышляя о предопределении, Печорин полагает, что «истинное наслаждение» «встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...». Конечно, именно желание испытать такое наслаждение толкнуло его «подобно Вуличу», «испытать судьбу». Судьбе противостояли и герои мифов: но разница между ними и героями Лермонтова заключается в том, что мифические герои нередко знали, что их ждет, но тем не менее шли навстречу судьбе. Что же касается Вулича и Печорина, то им неизвестно, что их ждет. «Делай, что должно, будет, что суждено» – такова позиция древних героев. В романе Лермонтова ситуация принципиально иная: герои вступают в своего рода игру с неизвестностью, но не потому, что это необходимо, а ради острых ощущений. И все же мотив рока, тяготеющего над человеком, властно звучит в «Фаталисте»: «... Видно, уж так у него на роду было написано!» Мотив судьбы незримо присутствует и в поэме Лермонтова «Песня про купца Калашникова».

*Сердца жаркого – не залить вином,
Думу черную – не запотчевать! –*

фаталистически вздыхает опричник Кирибеевич, полюбивший чужую жену.

А ведь он вполне мог бы подыскать себе богатую и знатную невесту – вряд ли нашлись бы родители, которые отказались бы выдать дочь за царского любимца. Жил бы в свое удовольствие с молодой женой, пользовался царскими милостями и горя не знал! И Степан Парамонович со своей Аленой Дмитриевной мог бы жить «долго и счастливо» – да, знать, судьба...

*И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.*

Явный намек на судьбу, которую в народной поэзии нередко называли «талан». «Бесталанная головушка» – словно Степану Парамоновичу, как мифическому герою, заранее был предрешен печальный конец. Впрочем, и у его противника участь тоже оказалась незавидной. И прекрасная Алена Дмитриевна, верная жена, на которую засматриваются мужчины – ей судьба тоже выпала печальная:

*На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,*

*А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонке пропал без вести,
А меньшей мой брат – дитя малое,
Дитя малое, неразумное...*

Злая судьба отнимает у нее и мужа, единственного заступника.

Однако нужно отметить, что в поэме звучит не только мотив судьбы, но и тема свободного выбора человека. Пусть Кирибеевич против воли полюбил Алену Дмитриевну, но он по своей воле пытается добиться ее взаимности, что противоречит законам Бога и людей. И Алена Дмитриевна по своей воле выбирает верность мужу. Решение Степана Парамоновича встретиться с Кирибеевичем в кулачном бою – тоже его собственное решение.

*Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово лучшего слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича? –*

грозно вопрошает разгневанный царь, и Калашников честно отвечает: «Я убил его вольной волею». И расправа над своим противником, и искренность купца перед царем, в руках которого находится его жизнь, – это свободный выбор Калашникова. Но, с другой стороны, так ли свободен выбор лермонтовских героев? В древнегреческих мифах у героев всегда существует выбор, но они неизбежно следуют по предначертанному пути. Каждый выбирает в соответствии со своими убеждениями, характером, системой ценностей. Высокие нравственные идеалы Калашникова торжествуют над его «бесталанностью»: окончив земной путь, он живет в памяти народа. Калашников смело встретил взгляд судьбы, свято веря в то, что он поступает, как должно:

*«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнего!»
Погиб поэт! – невольник чести –
Судьбы свершился приговор! –*

разве не угадывается определенное сходство мотивов? И снова судьба... Автор наглядно показывает, что судьба эта является делом рук людей, окружающих личность, исключительную по своим дарованиям. Но откуда берется столь несправедливое отношение к таланту? Зависть заурядных людей, их злорадство при виде несчастий гения, желание унижить его, прервать его полет, втоптать в грязь – что лежит в основе этого? И сам этот дар, таинственный и роковой – откуда он?

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка...*

Лермонтов не дает однозначных трактовок, что такое судьба. Да и кто вправе их давать? Ее вечный мотив проходит сквозь творчество великого русского писателя, как горестная и величественная мелодия, и каждый улавливает в ней то, что созвучно его душе.

Главный герой поэмы «Мцыри» один из самых гордых, свободолюбивых и притягательных образов русской литературы. Судьба Мцыри была нелегка с самого детства. Будучи совсем маленьким, он оказывается в плену, едва не погиб в дороге и попал на воспитание в монастырь. Несмотря на доброту монахов, Мцыри не испытывает к ним благодарности за спасение, считая себя заключенным, выросшим в тюрьме. Связано это с тем, что уклад и принципы монастырской жизни были для героя чужды, они сковывали его физическую и душевную свободу. И в этой неволе Мцыри суждено было прожить свою жизнь – его готовили к постригу. Однако герой не соглашается с этим, он бросает вызов своей судьбе, не желая и дальше томиться в неволе. Его свободолюбивая душа вырывается из стен монастыря. Юноше удастся изменить ход вещей, и вот он на свободе и у него есть

цель – вернуться домой. Мцыри меняет свою судьбу, но какую цену придется заплатить? Главный герой не становится, как ему было суждено, монахом, но и вернуться к родным ему не удается. Мцыри гибнет. Однако те три дня, что юноше удастся прожить на свободе, оказываются ценнее долгой, но спокойной и размеренной монастырской жизни. Герой умирает счастливый, он познал прелесть истинной жизни – этого довольно. За свой бунт против судьбы Мцыри отдает жизнь, но цена оказывается не слишком велика, с точки зрения самого героя[6,7].

Литература:

1. Лермонтовская энциклопедия / Под ред. В. А. Мануйлова. - М., 1981.
2. Лермонтов. Исследования и материалы. - М., 1979.
3. Григорьян К. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». - Л., 1975.
4. Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». - М., 1989.
5. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психоэтики русской литературы XVIII – XIX вв. – М., 1999 (О масках Печорина в «Герое нашего времени»).
7. Эйхенбаум Б. М. Герой нашего времени // Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. - М. ; Л., 1961. С. 221 – 285

Рецензент: к. филол. н., доцент Сабитова Э. С.
